

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ

„Литературная Грузия“ Июнь 1972

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Почему же подробнее? — потому что вы-
бранимый моего поэт кажется мне образ-
цом в отношении его таланта и творчества.

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ

Вышедшая в прошлом году книга Межирова называется «Поздние стихи». Она включает в себя три его книги шестидесятых годов, но стихи в ней есть и конца пятидесятых. И так — поздние стихи. Отчего же для автора они поздние? Что значит для поэта такое горькое определение? Чтобы правильно понять его, надо говорить обо всем этом творчестве в целом, говорить о пути поэта.

Это задача легкая и в то же время трудная. Легкость в том, что путь открывается в самих стихах. Трудность же обычная: поэт растет непредвиденно, как все живое. Когда ему кажется, что он умудрен прожитым опытом, на самом деле он наивен как ребенок. Когда он подводит черту итога, на самом деле прорывается в неизвестное будущее. Когда прощается с молодостью, она сама перехлестывает ему дыхание, а голос у него ломается, как у подростка.

И как раз в этом сила поэта, его главная и решающая удача. Тут-то он и раскрывается как человек — в остроте и прелести личного дарования, в своем неповторимом.

Мне писать о Межирове в высшей степени хочется! Не только потому что я глубоко люблю его со времен Отечественной войны, не только потому, что наша дружба испытана тремя десятилетиями, но прежде всего по одной причине: я сам прислушиваюсь к его суждениям и оценкам и внимательно и сочувственно, готов верить его советам, в его правдивым, хотя и парадоксальным Да и Нет. Возрастная разница между нами (очень большая) (Межиров ровесник моего сына) давно уже стерлась. Межиров не ученик мне, я ему не учитель. Да и вообще в поэзии нет учителей и учеников. В поэзии нет тренеров, как в спорте. Нет и художественных руководителей, как в театре. Зато в ней есть товарищество, дружба, братство, чувство плеча. Есть и ответственность друг за друга. Но каждый отвечает и сам за себя. Поэзия валит с ног слабых, зато окрыляет сильных. Межиров принадлежит к последним. О нем много и по-разному писали. Не все написанное правильно. Не все интересно и важно.

Хочу прежде всего отметить внимание на следующее. У каждого настоящего поэта свой образ времени. Межиров сказал о времени по-своему, свое, просвеченное рентгеном личной исторической ответственности. Вот одно из таких признаний, обращенное к товарищу (другу, приятелю, первому встречному, это неважно). Стихотворение называется «Возраст». В нем всего восемь строк. Я привожу его целиком:

Наша разница в возрасте невелика,
Полдесяти не будет годов.

Но во мне ты недаром узрел
старика —
Я с тобой согласиться готов.

И жестокость наивной твоей
правоты
Я тебе не поставлю в вину,
Потому что действительно старше,
чем ты,

На Отечественную войну.

Так возникает точка отсчета времени, исторического и личного. Война превратила подростка в юношу, а то и во взрослого человека. Война была его университетом (наверно, лучшим из всех вузов) и страшнейшим из испытаний — смертью. Была она и мощным средством познания и самопознания. Война вылепила человека из мокрой глины, как некогда сам господь бог вылепил Адама.

Война... Война? Да, война! Если не погиб на войне, как многие, что были в трех шагах от тебя, значит, отвечаешь за них и говоришь от их лица. На то Межиров и поэт, что знает об этом всегда и всюду. Для него это исповедание веры в человека и человеческое общество. Его память перегружена до избытка прошлым и лает знать о себе на всех перекрестках Москвы и любого другого города.

Сразу после победы 1945 года Межиров пишет:

Я сплю, положив голову под
Синявинские болота,
А ноги мои упираются в Ладогу и
в Неву...

Там, на том фронте, решалась судьба не только Ленинграда, но и Москвы, и

всей нашей Родины. А Межиров вспоминает и другое:

Я на привале в Пильзене пену
сдуваю с пива
И пепел с сигарки стряхиваю у
Бранденбургских ворот...

Так сдвинуты с места и совмещены два разных исторических времени. Начало войны и рядом — ее конец. Однако первый образ, трагический, перевешивает в своем значении второй, беззаботный, с пивом и сигаркой. Межиров знает об этом. Точно так же, как знали Луконин, Гудзенко, Сергей Орлов, Слуцкий... Но список очевидцев и участников творимой на их глазах истории не исчерпан, да и можно ли исчерпать его! Это все поколение сороковых годов в целом.

Образ времени у Межирова редчайший своего рода **ИЗ**, не тронутый с 1941 года. Но вот совсем иное мирное будничное зимнее московское утро:

Я увидел в кабине солдата,
В темном кузове спины солдат.
И машина умчалась куда-то,
Обогнув переулком Арбат.
Поглотила полуторатонку
Быстротечной метели струя.
И хотелось мне крикнуть вдогонку:
— Здравствуй, Армия, юность моя!

Еще одно самоопределение по компасу времени в его долготах и широтах. Оно далеко не единственное. Позже Межиров напишет об отпускинике, о себе ли самом или о другом, этого мы не спрашиваем:

Пилотка износилась,
И сапоги не те.
Борщей маршрутных силос
Играет в животе.
Трескучим самосадом
Прерывисто дышу.
Году в семидесятом
Об этом напишу.

Но стихотворение написано значительно раньше семидесятого года. Задание самому себе перевыполнено раньше срока. В поэзии такое случалось часто.

Память Межирова неотвязна, отчетлива, цепка. Она подстерегает его и в Москве, и в Тбилиси, и в любом другом городе вроде Саратова или Тамбова, но особенно властно в Ленинграде. Стихотворение называется «Календарь». Воспоминание о давишем настольном перекидном календаре — где-то на Охте, куда закинула военная перестройка двух солдат, автора и его спутника по фамилии Богачев, который «угрюм и нелюдим»:

Слишком на лице его усталом
Борозды о многом говорят.
Спиртом неразбавленным и салом
Богачев запасливый богат.

Богачев тут же исчезает из поля зрения читателя. А поэт вспоминает записи в перекидном календаре. Они сделаны двумя девушками, у которых поселились на постой автор с Богачевым в разбомбленном деревянном домишке на Охте. Записи кратко и горестно говорят о пережитом двумя юными существами, хозяйками дома:

«Умер папа». «Схоронили маму».
«Потеряли карточки на хлеб».

Может быть, на первый взгляд в дальнейшем ослабевает трагизм этих записей? Нет, правда жизни еще печальнее. Тут-то и проступает трагедия войны в страшной своей наготе:

А потом — рисунок полудетский:
Сердце, пораженное стрелой...
Друг на друга буквы навалились,
Сгрудились недвижно и мертво:
«Поселились. Пили. Веселились».
Вот и все. И больше ничего.

Вот конец этого сильного в своей сжатой отрывистости стихотворения, стоящего многочастного романа:

Умираю от воспоминаний
Над перекидным календарем.

Так обнаруживается коренное свойство поэзии. Оно в способности до последнего предела сжать повествование и превратить его в многозначную притчу. Это дается нелегко — в результате совершенного владения языком и ритмом и совершенного самообладания. По-другому это называется артистизмом.

Надо полагать, память Межирова о войне нежива. И поблагодарим его за это! Но ничего не надо преувеличивать. Межиров живой и страстный человек, к тому же на редкость изменчивый в своих страстях и пристрастиях. Навсегда ошарашенный солдатским опытом, он и окрылен им.

Тут я обращаюсь к вещи, может быть, центральной или узловоей в его поэзии. Это «Баллада о цирке». Вот ее начало:

Метель взмахнула рукавом —
И в шарабане цирковом
Родился сын у акробатки.
А в шарабане для него
Не оказалось ничего —
Ни колыбели, ни кровати.

И пошла колесить по дорогам жизни сказка, рассказанная от первого лица, от имени какого-то «Я». Если читатель

предположит, что поэт рассказывает свою биографию, он сильно ошибется.

Но в межировской балладе все сделано так хитро и замысловато, что действительно наивный читатель может поверить на слово поэту.

Будь сказано в балладе о том, что война «сделала своим поэтом «потомственного циркача»! И о том, как он —

Писанье вскорости забросил,
Обезголосел, охладел,
И от литературных дел
Вернулся в круг земных ремесел.

Звучит ведь во всей балладе горькая ирония по отношению к литературной профессии и литературной среде. А заодно автор предъявляет и самому себе счета, кажущиеся ему неоплатными. Так что и совсем не наивный читатель задумается всерьез: уж не о себе ли пишет поэт? А ему только того, небось, и надо — уж таким уродился этот выдумщик! И в последней части баллады он окончательно передергивает карты. Своя жизнь и чужая сплелись в хитрейший узел. Попробуй распутать его, да и нужно ли распутывать!

Цирк гастролирует на юге. «Потомственный циркач» поселился рядом с престарелым комиком, для которого автор должен сочинять смешные репризы. Комик «двадцать лет подряд жевал опилки на арене». Заканчивается этот монолог вот как:

По совместительству, к несчастью,
Я замещаю завлитчастью.

Что же это за причудливый феномен выдумки «самого себя»? За ним стоит романтическая ирония, игра в двойника. Она затеяна не для забавы. Вспомним Блока и Гейне. Здесь идет перекличка со сказкой, одновременно веселой и грустной. Это игра не только с двойником, но и с временем, лично биографическим, историческим, каким угодно, прежде всего — с музыкальным, которое намного старше исторического, настолько же, насколько человек старше общества, им же созданного. Насколько пирамиды и соборы старше печатных книг.

У Межирова великое множество стихов о любви, о ее цветении и разгаре, и о любви угасшей, то есть памяти о ней. Я ограничусь одним только примером:

И ты не та, и я не тот,
Какими были мы когда-то.

А между тем:

Все так же в дамбу бьет прибой
Неистощимыми волнами,

И все же это мы с тобой,
Мы — следующие за нами.

И тогда все проясняется:

И возникая вновь из пены,
Тебе на смену в свой черед
По ходу действия на сцену
Другая женщина идет.

Но из пены возникает пенорожденная Венера, богиня любви! Так ли уж проясняется картина? Нет! Дотошному искателю концов и начал здесь делать нечего. Еще одна медуза растаяла на раскаленной гальке Черноморского побережья. Прибой смыл и медузу, и концы вместе с началами.

Межирова знакома пронзительная жалость к человеческим судьбам. Если и не жалость, то человеческое участие.

Тридцатилетней женщине, много испытанней на своем недолгом веку, наконец-то посчастливилось справиться нарядную шубу из синтетического меха — предел ее долгодетных мечтаний. Стихи эти написаны лихо. В них выведен и бывший муж героини. «Хам, бабник, синья борода». Выведены и продавцы шубы, намекающие на трудные времена, то есть продающие товар дороже, чем он стоит. И весь этот рассказ прожежен как бы сквозь зубы. В нем есть и злость к жизни, сложившейся так, а не по-другому. Но есть и другое:

Самодержицы, Владыки, Судьи,
Составители схем и смет,
Ради жизни — проголосуйте!
Ради Стаси — скажите — нет!
Ради мира настройте речи
На волну моего стиха,
Дайте Стасе закутать плечи
В синтетические меха...

И совсем другая картина. В подземном царстве большого городского дома, среди труб парового отопления и оноло котельной нашла для себя пристанище компания забутенных пьяниц, случайных знакомцев; среди них есть и «философ самодельный». Однако обычное пиршество прервано появлением унылых жалобчиков на нарушителей порядка в сопровождении участкового. Это этот последний такой же «наследник войны», как и забулдыги. Ему мерещится «ночевка фронтовая». Межиров ничего не досказывает, не делает никаких выводов, обходитесь и без морали. Картина проста, обыденна, плачевна, но прежде всего — правдива. Это проза жизни, и она тоже стоит многочастного романа или повести. И в ней участие к малым сим, к их одиночеству в большом городе, будь он Москвой или Чикаго, все равно, к неприкаянности человека.

Но как ни остро наблюдателен Межиров, как ни вещны и зримы образы людей, изображенных им, он, может быть, единственный из поэтов чужается какой бы то ни было экзотики, все равно, западной или восточной, хотя много раз побывал в чужеземных краях. Но в его книгах не найдешь ни одного впечатления, вывезенного из-за рубежа, ни одного соответственного цикла.

И в этом верность самому себе и своему призванию.

Когда-то прославилось его действительно замечательное стихотворение «Коммунисты, вперед». В нем дан смо^тр десятилетиям нашей эпохи — от гражданской войны, через Отечественную, вплоть до мирного времени:

Приближается день,
Продолжается век.
Индевеют штывки в караулах
Кремля.

Все стихотворение написано на том пределе накала и страсти, когда голос поэта звучит повелительно, когда поэт на свой страх и риск диктует истории. Это удастся немногим. Межиров поэт и в широком значении слова и в узком. Широта — в лиризме, в исповедальной искренности. Узость — отточенное мастерство, стремление к сжатости, к афоризму. Об этом уже сказано. Когда эти разные свойства совмещены, возникает вещь сильная, устойчивая, остающаяся надолго.

Тогда поэт в праве и обязан сделать и такое признание:

Стихотворцы обоймы военной
Не писали стихов о войне.
Всех в обойму военную втисни,
Подстриги под гребенку одну.
Мы писали о жизни... О жизни,
Неделимой на мир и войну.

Это важное признание может быть подтверждено очень многим. Межиров тут же прибавляет:

^{ми}
В мирной жизни такое же было,
Тот же холод ничейной земли.
По своим артиллерия била,
Из разведки саперы ползли...

Поэт ничего не чернит в послевоенной неразберихе «мирной жизни». Он не жалуется, не обвиняет.

У Межирова голова ясная, зрение зоркое. Ему предстоит расти и расти, а это значит изменяться до полной узнаваемости.

Однажды, сославшись на восьми-десятилетнего Гете, влюбившегося в юную девушку, Межиров выразился весьма категорически:

До тридцати — поэтом быть
почетно
И срам кромешный — после
тридцати.

Неужто так? Ой ли! Но здесь объясняется, отчего последние свои стихи автор назвал «поздними». Объяснение неудовлетворительное! Когда-то по тому же поводу я слышал не менее категорическое высказывание: до двадцати лет все пишут стихи, от двадцати до тридцати только поэты, после тридцати только сумасшедшие. Оба эти утверждения в основном совпадают.

Но вот что любопытно! Межирову в будущем году исполнится пятьдесят лет. Пишущий эти строки перевалил за три четверти века. Спрашивается: числимся ли мы оба сумасшедшими? Нет, никакой психиатр не даст нам справки о невменяемости. Вот и помиримся ~~мы~~ друг с другом — ради того дела, которому служим до конца своих дней.